

Регионалистика

УДК 94(470.5+477)«1920/1930»:913

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-3-64-81

Михеев Михаил Викторович

к. и. н., Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0001-8097-4953

E-mail: mikheeviiiauroran@yandex.ru

Урал и Украина в системе межрегиональных противоречий 1920-х — 1930-х гг. (продолжение)*

АННОТАЦИЯ. Настоящее исследование продолжает серию статей, посвященных проблеме межрегиональных экономических противоречий Урала и Украины в СССР межвоенного периода. В третьей части работы автор рассматривает две противоположные друг другу перспективы индустриализации Советского Союза в ходе реализации первого пятилетнего плана. Одна из этих альтернатив была сформулирована пятилетним планом, разработанным ВСНХ, и выражалась в концентрации советской промышленности вокруг угольно-металлургических производств Украины, смещая, таким образом, производительные силы советской индустрии к южным и западным границам СССР, что продолжало тенденции территориального размещения русской промышленности, возникшие в позднеимперский период и развивавшиеся в первые годы советской власти. Другим вариантом советской индустриализации был путь экстенсивного развития, осуществляемый за счет реконструкции металлургии на Урале посредством ее минерализации за счет каменноугольных ресурсов Западной Сибири. Этот проект пользовался поддержкой ряда ключевых членов советского правительства, включая лично И. В. Сталина. Позднее он ляжет в основу первого пятилетнего плана, подготовленного Госпланом СССР и принятого к исполнению в 1928 г. Однако этот вариант пятилетнего плана встретил организованные регионалистские нападки оппозиции в лице партийных, государственных, плановых и хозяйственных органов УССР. В течение второй половины 1920-х гг. два проекта конкурировали друг с другом. Эту конкуренцию сопровождали кампании в печати, политические репрессии и дебаты в высших органах власти СССР. При этом центральному правительству пришлось потворствовать возникновению регионалистских настроений на Урале для противопоставления его регионализму в УССР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономическая история, экономическая география, Урал, Украина, Западная Сибирь, первый пятилетний план, индустриализация, регионализм, Шахтинское дело

Для цитирования: Михеев М. В. Урал и Украина в системе межрегиональных противоречий 1920-х — 1930-х гг. (продолжение) // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3. № 3. С. 64–81. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-3-64-81

Поступила в редакцию 11.06.2024

Принята к публикации 17.09.2024

© Михеев М. В., 2024

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10159. Автор выражает благодарность к. и. н. А. Э. Беделю, д. и. н. Л. А. Лыковой и к. э. н. А. В. Сафронову за консультации в ходе подготовки статьи. Ввиду масштаба поднятой темы, редакция приглашает заинтересованных исследователей к дискуссии.

REGIONAL Studies

UDC 94(470.5+477)«1920/1930»:913

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-3-64-81

Mikhail V. Mikheev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0001-8097-4953

E-mail: mikheeviiiauroran@yandex.ru

The Urals and Ukraine in the System of Interregional Contradictions of the 1920s — 1930s (Part 3)

ABSTRACT. The study continues a series of articles devoted to the problem of interregional economic contradictions between the Urals and the Ukraine in the USSR during the interwar period. In the third part of the work, the author examines two opposing perspectives of industrialization of the Soviet Union during the implementation of the first five-year plan. One of these alternatives was formulated by the five-year plan developed by the Supreme Economic Council and expressed in the concentration of Soviet industry around the coal and metallurgical industries of the Ukraine, thus shifting the productive forces of Soviet industry to the southern and western borders of the USSR, which continued the trends of territorial distribution of Russian industry that emerged in the late Imperial period and developed in the early years of Soviet power. Another variant of Soviet industrialization was the path of extensive development, carried out through the reconstruction of the metallurgy of the Urals through its mineralization at the expense of the coal resources of Western Siberia. This project was supported by a number of key members of the Soviet government, including personally I. V. Stalin. Later it would form the basis of the first five-year plan prepared by the USSR State Planning Committee and adopted for execution in 1928. However, this version of the five-year plan was met with organized regionalist attacks by the opposition of the party, state, planning and economic bodies of the Ukrainian SSR. During the second half of the 1920s, the two projects competed with each other. This competition was accompanied by press campaigns, political repression and debates in the highest authorities of the USSR. At the same time, in order to oppose regionalism in the Ukrainian SSR, the central government had to condone the emergence of regionalist sentiments in the Urals.

KEYWORDS: economic history, economic geography, Urals, Ukraine, Western Siberia, first five-year plan, industrialization, regionalism, Shakhty trial

For citation: Mikheev M. V. [The Urals and Ukraine in the System of Interregional Contradictions of the 1920s — 1930s (Part 3)]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2024, vol. 3, no. 3, pp. 64–81. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-3-64-81 (In Russian).

Received 11 June 2024

Accepted 17 September 2024

© 2024 The Author

Первый пятилетний план и вопросы размещения промышленности

Планирование советской индустриализации ожидаемо не было одномоментным процессом. Первый пятилетний план вырабатывался и согласовывался в течение нескольких лет при участии ряда собственно плановых (как центральных, так и региональных), народно-хозяйственных, государственных, правительственных, партийных и советских организаций. Непосредственно история этих работ лежит вне рамок нашего исследования. Для удобства восприятия последующего материала мы ограничимся перечислением основных вариантов первого плана, разрабатывавшихся параллельно Высшим советом народного хозяйства СССР и Государственной плановой комиссией СССР. Наиболее полно она отображена в публикациях экономиста и историка А. В. Сафронова. По его наблюдениям, они включали:

1. Пятилетний план Особого совещания по воспроизводству основного капитала ВСНХ на 1925/26–1929/1930 гг., разработанный в ноябре 1925 г.
2. Перспективную ориентировку Госплана СССР на 1925/1926–1929/1930 гг., представленную Госпланом первому съезду плановых органов в марте 1926 г.
3. Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27–1930/31 гг., являвшиеся переработанным вариантом предыдущего плана и представленные Госпланом второму съезду плановых органов в феврале 1927 г.
4. Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР 1927/28–1931/32 гг., доработанные ВСНХ с опорой на первый вариант, к июню 1927 г.
5. Перспективную ориентировку на 1927/28–1931/32 гг., подготовленную Госпланом СССР в октябре 1927 г.¹

Последний вариант был представлен XV съезду ВКП(б) в декабре 1927 г., где на его основе были приняты «Директивы по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР». Разработанный таким образом итоговый первый пятилетний план был формально утвержден на V Всесоюзном съезде советов в мае 1929 г. По сути, в 1925–1929 гг. имела место эволюция двух пятилетних планов — ОСВОК ВСНХ и Госплана².

Сравнив показатели первоначального плана ОСВОК ВСНХ и итогового плана Госплана СССР, мы видим, что в территориальном разрезе планирование размещения производительных сил претерпело серьезные изменения в части капиталовложений при новом строительстве (таблица 1).

Таблица 1

Проектировки капиталовложений государственной промышленности в первом пятилетнем плане ОСВОК ВСНХ СССР и Госплана СССР в территориальном разрезе (%%)*

Table 1

Projections of capital investments in state industry in the first five-year plan of the OSVOK VSNKh USSR and the USSR Gosplan in a territorial aspect (%%)*

	Всего		Новое строительство		Существующие предприятия	
	ВСНХ	Госплан	ВСНХ	Госплан	ВСНХ	Госплан
Центр	21.57	15.1	17.5	19.4	25.6	12.9
Северо-Запад	6.42	5.5	4.5	5.9	8.5	5.2
Украина	30.48	22.5	25.4	23.9	34.4	21.8
Урал	8.68	10.5	10.3	18.8	7.1	6.2

¹ См.: Сафронов А. В. Большая советская экономика. М., 2025 (в печати).

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 260. Л. 101–103.

Сибирь	2.56	3.3	4.04	7.8	1.2	0.9
Прочие районы	30.3	43.1	38.3	24.2	23.2	53
Всего	100	100	100	100	100	100

* Источник: Материалы Особого совещания по воспроизводству основного капитала при президиуме ВСНХ СССР. Сер. 3. Труды комиссии по критической сводке пятилетних гипотез развития отраслей промышленности. Перспективы развития промышленности на 1925/26–1929/1930 гг. по пятилетним гипотезам. Вып. VI. Территориальная организация промышленности. М. — Л., 1927. С. 50; Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 3. Районный разрез плана. М., 1930. С. 580.

Пятилетний план ОСВОК не намечал существенных сдвигов в этом вопросе. Удельный вес старых промышленных районов сохранялся им стабильным: «Каких-либо резких изменений в соотношении районов в течение указанного периода не произойдет. Требования, предъявляемые к промышленности экономическим и финансовым режимом страны, во многих случаях успешнее и эффективнее могут быть выполнены центральными районами, индустриальный опыт которых исторически сложился, поэтому естественные индустриальные тенденции Востока в ближайшем периоде не будут в достаточной степени использованы, и вместе с тем будут укрепляться промышленные функции Европейского центра, Юго-Востока и отчасти Северо-Запада» — говорилось в опубликованных материалах этого плана³.

Пятилетка же Госплана почти в два раза увеличила долю капиталовложений в новое строительство на Урале, при этом общая доля капиталовложений в промышленное строительство на Украине было сокращено в среднем на треть. Таким образом, первый проект пятилетнего плана ОСВОК ВСНХ носил явно проукраинский характер (таблицы 2, 3).

Таблица 2

Проектировки капиталовложений в строительство новых предприятий угольной промышленности на территории СССР в первом пятилетнем плане ОСВОК ВСНХ СССР и Госплана СССР (%%)*

Table 2

Projections of capital investments in the construction of new coal industry enterprises on the territory of the USSR in the first five-year plan of the OSVOK VSNKh USSR and the USSR Gosplan (%%)*

	ВСНХ	Госплан
Центр	0.6	4.9
Северо-Запад	0	1.3
Украина	70.5	60.3
Урал	0.9	9.8
Сибирь	4.9	7.7
Прочие районы	23.1	16
Всего	100	100

*Источник: Материалы Особого совещания... С. 50, 90–107; Пятилетний план... С. 574–575.

³ Цит. по: Курский А. Д. Размещение промышленности в первой пятилетке. М.; Л., 1933. С. 23.

Таблица 3

Проектировки капиталовложений в строительство новых предприятий черной металлургии на территории СССР в первом пятилетнем плане ОСВОК ВСНХ СССР и Госплана СССР (%%)*

Table 3

Projections of capital investments in the construction of new ferrous metallurgy enterprises on the territory of the USSR in the first five-year plan of the OSVOK VSNKh USSR and the USSR Gosplan (%%)*

	ВСНХ	Госплан
Центр	0	0
Северо-Запад	0	0
Украина	35.5	29.7
Урал	30	30.9
Сибирь	15	9.5
Прочие районы	19.5	29.9
Всего	100	100

*Источник: Материалы Особого совещания... С. 50, 90–107; Пятилетний план... С. 574–575.

Так, на Украину приходилось 70 % капиталовложения в новые предприятия угольной промышленности (Сибирь — 4,9 %, Урал — 0,8 %) и 35,5 % вложений в новые предприятия черной металлургии (Урал — 30%, Сибирь — 15). Во многом это было следствием политических и экономических воззрений основного куратора плана ОСВОК — заместителя председателя ВСНХ Г. Л. Пятакова. С одной стороны, он был активным сторонником масштабных капиталовложений в тяжелую промышленность, видя в ее развитии средство форсирования процесса социально-экономических преобразований. С другой стороны, разделяя, по замечанию украинского историка В. Ф. Солдатенко, взгляды близкого к Л. Д. Троцкому экономиста Е. А. Преображенского, автора «закона первоначального социалистического накопления», согласно которому социализм (как и ранний капитализм) должен строиться на базе «эксплуатации досоциалистических форм ведения хозяйства», Г. Л. Пятаков, очевидно, полагал далеко не исчерпанным потенциал «досоциалистических форм» размещения производительных сил страны.

Именно Г. Л. Пятакова современники обвиняли в создании т. н. ситуации «ножниц цен» 1923 г., организуя трестирование государственной промышленности, он подписал приказ, предписывавший «всем правлениям трестов и органам ВСНХ принять все необходимые меры к тому, чтобы наше государство получило от своих предприятий наибольшую прибыль»⁴, это позволило промышленным трестам резко увеличить цены на свою продукцию, в то время как цены на сельскохозяйственную продукцию снизились, что поставило страну под угрозу продовольственного кризиса. Впоследствии Г. Л. Пятаков остался ревностным сторонником управления промышленностью с позиций рентабельности. В интервью газете «Правда» от 14 октября 1923 г. он заявлял: «В соответствии с необходимостью построения реального плана государственной промышленности, основная задача управления промышленностью понимается нами как накопление, борьба за систему в промышленности, борьба за рентабельность промышленности. Таким образом, мы должны строить систему управления центральными промышленными предприятиями как систему коммерческого управления»⁵. В предыдущей статье мы показали, как названный подход в управлении промышленностью фактически привел к кризису индустриального производства и металлическому голоду в СССР⁶.

⁴ Солдатенко В. Ф. Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина. М., 2017. С. 328–333.

⁵ Цит. по: Солдатенко В. Ф. Указ. соч. С. 329.

⁶ См.: Михеев М. В. Урал и Украина в системе межрегиональных противоречий 1920-х — 1930-х гг. (продолжение) // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3, № 2. С. 108–110.

Тем не менее в конце 1920-х гг. соображения Г. Л. Пятакова не противоречили представлениям о технике осуществления индустриализации СССР, разделявшейся большей частью профессиональных экономистов своего времени. Когда в сентябре 1926 г. в ВСНХ была создана комиссия по подготовке пятилетнего плана (сбор материалов был начат ранее и велся в течение 1925 г.), ее возглавил А. М. Гинзбург, ранее, в 1924 г., зарекомендовавший себя в качестве яркого противника опережения роста зарплат промышленных рабочих в сравнении с недостаточными темпами роста выпуска промышленной продукции⁷. Вместе с ним в комиссии активно работали близкие к убеждениям ее председателя А. И. Соколовский, В. В. Шер, А. Б. Штейн и ряд других специалистов⁸. Уместно предположить, что «проукраинский» уклон плана ОСВОК ВСНХ отчасти был обусловлен опытом профессионального становления его разработчиков. Г. Л. Пятаков и А. М. Гинзбург были хорошо знакомы с экономикой Украины и ее значением для индустриального потенциала СССР. Г. М. Пятаков во время Гражданской войны руководил восстановлением Донбасса, в 1920–1921 гг. он возглавлял Центральное правление каменноугольной промышленности Донецкого бассейна. Его деятельность в то время, с одной стороны, сопровождалась успехами в деле промышленного строительства и получила положительную оценку лично от В. И. Ленина, с другой, спровоцировала массу конфликтов с местными партийными и хозяйственными властями, характеризовавшими деятельность Г. Л. Пятакова «диктатурой угля» и критиковавшими его за пренебрежение интересами иных отраслей хозяйства региона⁹. Что касается А. М. Гинзбурга, то после 1917 г. он был товарищем городского головы в Киеве, а перед назначением в центральный аппарат ВСНХ занимал должность заместителя начальника Киевского губернского планового управления¹⁰.

Тем не менее в советском правительстве проект ОСВОК ВСНХ изначально подвергся критике. На фоне разраставшейся внутрипартийной борьбы в высшем руководстве ВКП(б) его авторы ассоциировались с троцкистами и меньшевиками. Знаменитая эмоциональная последняя речь председателя ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинского на июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1926 г., вызвавшая сердечный приступ, приведший к его смерти, была направлена именно против Г. Л. Пятакова, которого он назвал «самым крупным дезорганизатором промышленности»¹¹ и обвинил в том числе в некомпетентном построении отраслевых пятилетних планов. Его преемник В. В. Куйбышев критиковал пятилетний план ОСВОК ВСНХ более корректно: «Опыт истекающего 1926/27 г., когда первые трудности реконструктивного периода начали преодолеваются, показывает нам с совершенной очевидностью необходимость внесения существенных поправок в отправные моменты пятилетнего плана [...]. Все изложенное заставляет нас считать настоящую работу незаконченной и подвергнуть ее еще раз переработке на основе того опыта, который пролетарское государство приобрело [...]»¹².

То, что территориальное размещение промышленности должно было стать одним из предметов такой «переработки», отмечалось еще одновременно с началом работ ОСВОК ВСНХ по первой пятилетке. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин в своем письме секретарю ЦК В. М. Молотову от 12 июля 1925 г. весьма недвусмысленно определил ключевые, на его взгляд, приоритеты в размещении промышленности СССР: «Хозорганы СССР наметили уже программу строительства новых [подчеркнуто И. В. Сталиным. — М. М.] заводов. Боюсь, что начнут строить в приграничных районах без учета ряда неблагоприятных в этом отношении фактов, и потом, если прозеваем этот момент, невозможно будет исправить допущенные ошибки. Хотят, например, строить новые фабрики в Питере и Ростове, что нецелесообразно. Я думаю, что при выборе строительной программы следовало бы учесть [...] географически-стратегическое положение новых заводов. Наш основной тыл — Урал, Поволжье [...], именно эти районы представляют наиболее удобный тыл для нас в случае военных осложнений. Поэтому именно в этих районах надо развить промышленное строительство. Будет, конечно, давление с мест, но его надо преодолеть. Этот вопрос до того важен для нас, что следовало бы поставить его на Пленуме ЦК для преодоления давления с мест»¹³.

⁷ Ясный Н. М. Советские экономисты 1920-х гг. Долг памяти. М., 2012. С. 209.

⁸ Там же. С. 212.

⁹ Солдатенко В. Ф. Указ. соч. С. 306.

¹⁰ Ясный Н. М. Указ. соч. С. 212.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 237. Л. 72.

¹² Цит. по: Ясный Н. М. Указ. соч. С. 212–213.

¹³ Письма И. В. Сталина — В. М. Молотову, 1925–1936 гг. (Сб. документов). М., 1995. С. 32–33.

Впоследствии события «металлического голода» 1926–1927 гг. добавили к «военно-стратегическим» соображениям И. В. Сталина «экономические» основания. Без активного экстенсивного развития восточных территорий СССР было невозможно насытить советскую промышленность металлом и минеральным топливом, не попадая в зависимость от иностранного импорта, без чего, в свою очередь, нельзя было реализовать сталинский тезис о построении «социализма в отдельно взятой стране». Предсказанное И. В. Сталиным «давление с мест» не заставило себя ждать. Его центром выступили хозяйственные, плановые и партийные органы УССР.

Украинская кампания в печати

Интересы Советской Украины требовали индустриализации СССР с опорой на производительные силы Донецко-Криворожского района и дальнейшего строительства новых предприятий тяжелой промышленности вокруг своего региона. В 1970-е гг. советская историография огульно охарактеризовала такую позицию «украинским национализмом»¹⁴. Разумеется, это был притянутый штамп. Сторонники развития индустрии Юга в подавляющей степени принадлежали к русской технической интеллигенции и советской партийной бюрократии. Причиной ожесточенного «лоббирования» проукраинских интересов с их стороны, по сути, вылившейся в «регионалистскую» оппозицию центральному правительству, носили преимущественно экономический характер. Конечно, в долгосрочной перспективе партийную бюрократию Украины могли беспокоить проблемы конкуренции с бюрократией иных, сопоставимых с Украиной по уровню экономического развития, промышленных районов за внимание общесоюзных властей, однако это было перспективой отдаленного будущего. Хозяйственные же проблемы для УССР от нового промышленного строительства на востоке были более чем очевидны. С одной стороны, новые районы должны были поглотить существенную долю капиталовложений, направляемых в стройки пятилетки. Вместе с этим собственно промышленную продукцию новые регионы могли бы дать только к концу пятилетки. Таким образом, украинская промышленность оказывалась в исключительно неудобном положении: являясь на начало пятилетки основным поставщиком металла и топлива для советской экономики, она должна была в течение ряда лет и впредь покрывать эти постоянно возрастающие запросы, при этом общесоюзные капиталовложения должны были распределяться между старыми и новыми регионами практически в равной степени. Неудивительно, что хозяйственные деятели Украины усматривали любую попытку масштабного металлургического строительства за пределами собственных границ как ощутимо невыгодную для себя субсидию другим регионам, выполненную преимущественно за украинский же счет.

Как отмечалось выше, разработка первого пятилетнего плана совпала с периодом ожесточенной внутривластной борьбы. В этих условиях представители Украины обоснованно считали необходимым декларировать свою позицию в печати. Работу в этом направлении сконцентрировал Госплан УССР. Первоочередным объектом критики был выбран Урало-Кузнецкий проект, капиталовложения в предприятия которого были наименее желательны для Украины¹⁵. Кампания началась с серии статей руководящего работника Комиссии по металлу Госплана УССР Я. Б. Диманштейном в газете «Украинский экономист». В течение трех номеров 1926 г. (№ 143, № 145, № 146) газета публиковала его отрицательную рецензию на монографию одного из разработчиков Урало-Кузнецкого комбината И. И. Федоровича «Урало-Кузнецкая проблема»¹⁶. В этой книге И. И. Федорович конкретизировал неоднократно высказывавшиеся им ранее соображения о строительстве Урало-Кузнецкого комбината в контексте «проблемы разрешения черного металла». По мнению автора, к середине 1920-х гг. все яснее стал вырисовываться контур металлургической сетки СССР, в которой главными районами производства черного металла должны были стать Юг, Центр, Урал и Сибирь. При этом значение Урала и Сибири должно было возрастать постольку, поскольку потенциал эксплуатации железорудных и каменноугольных месторождений Украины к началу индустриализации подходил к своему пределу. И. И. Федорович посвятил свою монографию проблеме дальнейшего развития этих районов в условиях будущей индустриализации. Охарактеризовав мировое производство и потребление черного металла как показатель развития производительных сил, автор спрогнози-

¹⁴ Зуйков В. Н. Создание тяжелой индустрии на Урале (1926–1932 гг.). М., 1971. С. 27–28.

¹⁵ См.: Михеев М. В. Урал и Украина в системе межрегиональных противоречий 1920-х — 1930-х гг. (начало) // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3, № 1. С. 53–57.

¹⁶ Федорович И. И. Урало-Кузнецкая проблема. М.; Л., 1926.

ровал его потребление в СССР 1940-х гг. в 11,5 млн тонн, предложив такую наметку производства по районам, где Юг возьмет на себя нагрузку в 5,7 млн тонн, то есть 50 % всей потребности страны, Урал и Центр — 4,5 млн тонн, или 40 %, Сибирь — 10 %, или 1,1 млн тонн. При этом существующее производство предлагалось дополнить постройкой новых заводов общей производительностью в 3,2 млн тонн на Юге, на Урале 3,8 млн тонн и в Сибири 1,1 млн тонн. При этом развитие металлургии Юга и Сибири должно было опираться на местные ресурсы угля и руды (Донецкий и Кузнецкий угольные бассейны, Криворожское и Тельбесское месторождения железной руды), а металлургия Урала на местные руды и топливо Кузнецкого бассейна, что, собственно, и создавало хорошо известную профессиональному сообществу «Урало-Кузнецкую проблему», возможность разрешения которой в виде организации перевозок минерального топлива из Западной Сибири на Урал была решительно раскритикована Я. Б. Диманштейном, обвинявшем И. И. Федоровича в опасном для народного хозяйства страны «промышленном мифотворчестве»¹⁷.

Я. Б. Диманштейн, аргументируя свою позицию, пытался дезавуировать утверждения И. И. Федоровича об ограниченности запасов высокосортной криворожской железной руды на Украине, утверждая, что, по последним обнадеживающим данным геологоразведки, ее запасы составляют до 400 млрд тонн, что вместе с потенциально возможным на тот момент обогащением низкосортных железных руд (в первую очередь украинских железистых кварцитов) составляло практически неисчерпаемый запас железнорудного сырья. Также неисчерпаемыми Я. Б. Диманштейн предполагал запасы коксующихся углей Донбасса. Таким образом, именно на рост южной металлургии и увеличение темпов этого роста следовало направить общесоюзные капиталовложения. Этому способствовали такие показатели, как близость к региону руды, топлива, развитая сеть железных дорог, достаточный резерв рабочей силы из числа местного населения, близость рынка сбыта продукции, складывавшиеся для Украины гораздо более благоприятно, чем для Урала. Урал же, если и был богат рудами, то они были рассеяны по всему его огромному пространству, своего минерального топлива Урал не имел, ввозить на него кузнецкий уголь не представлялось целесообразным, тем более что такие попытки, по утверждению Я. Б. Диманштейна, не предпринимались. «Древесноугольное производство чугуна на Урале к началу [Первой мировой] войны дошло почти до своего возможного максимума. Тем не менее вопроса о питании Урала кузнецким коксом до войны не возникало ни по чему иному, а в силу того априорно очевидного обстоятельства, что такое питание не может явиться при огромном расстоянии, разделяющем оба района, выгодным и что во всяком случае производство коксово-угольного чугуна должно быть выгоднее в самом Кузнецком бассейне, обладающим источником как превосходного кокса, так и железной руды. Вот почему незадолго до войны возникает возникает крупное предприятие [Копикуз. — М. М.], ставящее себе целью создание крупного металлургического завода в Кузнецком бассейне, но не возникает ни одного предприятия на Урале, предполагающего питаться кузнецким коксом»¹⁸. Я. Б. Диманштейн резко отверг предложения о льготном тарифе для железнодорожной перевозки угля из Сибири на Урал, как совершенно неоправданную дотацию для уральской промышленности за счет государства, осуществление которой было бы возможно только в ущерб другим регионам, и в первую очередь в ущерб Украине.

Далее, раскритиковав подсчеты И. И. Федоровича о себестоимости таких перевозок, Я. Б. Диманштейн пересчитал такую стоимость по довоенным ценам и сделал вывод о ее абсолютной убыточности. Автор утверждал, «что весь Урало-Кузнецкий проект в изложенном [И. И. Федоровичем] виде представляется абсолютно утопическим, даже в гораздо большей степени, чем идея Волго-Донского канала». Я. Б. Диманштейн предупреждал читателя, что круг популяризируемых «легковесной книгой инженера Федоровича» идей, несмотря на полное пренебрежение к единственно возможному для ближайшего времени руководящему принципу советской промышленной политики — максимальному расширению объема производства при минимальных затратах основного капитала, находит свое отражение в «практической политике». Примером такой бесхозяйственности автор назвал отпуск одного миллиона рублей на проектирование Магнитогорского завода на Южном Урале, предпринятом в 1925 г. по решению XIV конференции РКП(б). Заключение

¹⁷ Цит. по: Берёзов Н. Ф. Урало-Кузнецкая проблема. И. Федорович // Хозяйство Урала. 1926. № 15–16. С. 191.

¹⁸ Здесь и далее статьи Я. Б. Диманштейна цит. по: Берёзов Н. Ф. Южане об Урале // Хозяйство Урала. 1927. № 4. С. 34–51.

статьи Я. Б. Диманштейна походило больше на политическую программу, чем на работу экономиста: «Для ближайшего десятилетия все суммы, могущие быть брошенными на новые металлургические заводы, должны быть обращены на развитие производства на Юге (Донбасс, Кривой Рог, Приазовье, Керчь), ибо это обещает максимальный производственный эффект, то есть наиболее производительное и экономное расходование государственных средств. [...] Борьба за такую политику, исходящую из интересов Союза, как хозяйственного целого, должна сделаться основой политики Украины. Необходимо добиваться немедленного отказа от грандиозных не столько по своему масштабу, сколько по своей безмерной убыточности, Урало-Кузнецких проектов».

Последний тезис Я. Б. Диманштейна представляет собой образец идей экономического регионализма, граничащих с шовинизмом. По сути, автор требовал от правительства УССР политическими средствами противостоять попыткам общесоюзного правительства развивать металлургическое производство вне Украины, подчинив программу общесоюзной индустриализации интересам металлургической промышленности Украины. При экономических обоснованиях своих идей Я. Б. Диманштейн допустил существенные вольности. Так, льготные железнодорожные тарифы для сибирских углей вполне вписывались в логику внутреннего перераспределения национального дохода, практиковались даже в царской России, причем, как отмечалось выше, именно льготные железнодорожные тарифы и государственные заказы обеспечили южнорусской металлургии стремительный рост во второй половине XIX в. Попытки использования сибирских углей в уральской металлургии предпринимались именно накануне революции. Наряду с разбросанными железнорудными месторождениями на Урале были и концентрированные, в частности упомянутая Я. Б. Диманштейном гора Манитная¹⁹. Даже в политических условиях 1920-х гг. столь смелые публикации не могли быть личной инициативой автора. Они только положили начало массовой серии аналогичных публикаций Госплана УССР, распространявшихся в течение второй половины 1920-х гг. в общесоюзном масштабе.

Украинская печать подхватила утверждения Я. Б. Диманштейна. Серию аналогичных по содержанию статей опубликовал на своих страницах журнал «Хозяйство Украины». В 1926 г. в статье «Проблема металла» другой украинский экономист, Д. А. Каплан, сравнивая перспективы экономического развития двух металлургических регионов, вывел аналогичное положение: «Сосредоточивание внимания на усиленном расширении металлургии Урала, находящейся, по сравнению с Югом, в явно невыгодных условиях, как в отношении масштаба необходимых затрат, так и в отношении коммерческой эффективности производства, является абсолютно нецелесообразным, ибо при ограниченности наших финансовых ресурсов затраты значительных средств на Урало-Кузнецкое дело, несомненно, должны отразиться на судьбе южной металлургии, которая, по крайней мере на ближайшее предвидимое время, в вопросе удовлетворения потребности в металле всего народного хозяйства в целом имеет решающее значение»²⁰. Тогда же в другой статье «Перспективы машиностроения на Украине и в РСФСР (проблемы районирования машиностроения)» украинский автор В. Чернышев, в развитие ранее высказанной критике проектов постройки на Урале крупной металлургической промышленности на минеральном топливе, утверждал о нецелесообразности сооружения на Урале машиностроительного и вагоностроительного заводов, попутно «кинув камень в огород» Северо-Запада и Центра. «Правильным является решение Главметалла не строить новых заводов по тяжелому машиностроению в Северном и Центральном районах, где оно было бы невыгодным, так как требует значительных масс металла, который надо получать из отдаленных металлургических центров. Но зато вызывает возражения проект Главметалла строить новый завод тяжелого машиностроения на Урале в Свердловске и вагонный завод в Нижнем Тагиле. Хотя эти заводы и будут находиться на месте получения металла, но их постройка, как и постройка двух новых металлургических заводов на Урале, связана с [сомнительным] планом осуществления так называемого Урало-Кузнецкого проекта [...]. Работая не на своем уральском топливе, металлургия

¹⁹ См. об этом: Михеев М. В., Баев О. В. К истории Урало-Кузбасса: записка Кузнецкого каменноугольного и металлургического акционерного общества Высшему совету народного хозяйства РСФСР от 18 мая 1918 г. // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1, № 2. С. 122–137; Неклюдов Е. Г. Топливная проблема уральской металлургии: истоки, формы проявления и варианты решения на рубеже XIX–XX вв. // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации: сборник статей и документов. Екатеринбург, 2010. С. 91–117; Рукоусев Е. Ю. Снабжение уральских горных заводов минеральным топливом: дискуссии на съездах горнопромышленников Урала в конце XIX — начале XX в. // Там же. С. 118–128.

²⁰ Здесь и далее публикации «Хозяйства Украины» цит. по: Берёзов Н. Ф. Южане об Урале. С. 34–51.

Урала и теперь уже не в состоянии удовлетворить спроса на металл со стороны металлопромышленности Северного и Центрального районов. При таких условиях нет смысла строить на Урале еще завод тяжелого машиностроения и вагонный завод [...]. Остается тогда строить новый завод тяжелого машиностроения и вагонный завод только на Украине, используя ее экономическое преимущество в виде нахождения у нас на месте металла и топлива, благодаря которым стоимость производства этих заводов на Украине должна обойтись дешевле, чем на Урале».

Теория взаимосвязи руды, угля и железа

Перечисленные утверждения были обобщены, опубликованы и распространены по всей территории СССР в серии так называемых «Трудов комиссии по металлу при Госплане УССР», официально изданных украинским Госпланом в течение 1926–1927 гг. Эта серия объединила в себе 20 работ ведущих советских экономистов, по преимуществу специалистов в области черной металлургии и машиностроения. Серия явно была издана при активной поддержке республиканских правительственных организаций, а подготовлена с очевидно лоббистскими намерениями. «Труды комиссии по металлу при Госплане УССР» были призваны убедить читателя в неэффективности капиталовложений в индустриализацию сторонних регионов. Редактором серии выступил все тот же Я. Б. Диманштейн. Редактор планировал воздействовать на подготовленного читателя, поэтому компоновал публикуемые работы с видом научной объективности. Среди 20 номеров были представлены работы как противников, так и сторонников Урало-Кузбасса. Более того, под № 7 украинский Госплан опубликовал продолжение раскритикованной им ранее программной монографии И. И. Федоровича, посвященной Урало-Кузнецкой проблеме²¹. Особенно «проуральскими» оказались номера 14 и 8. Так, в монографии Л. Н. Янопольского «К вопросу о капиталах в металлической промышленности», например, утверждалось: «Что касается специального вопроса о распределении возможных в ближайшее время ресурсов между Югом и Уралом, то решение вопроса зависит от ряда соображений не только экономического характера. Высшая техническая оборудованность и мощность заводов Юга, близость и дешевизна топлива наталкиваются на соображения о необходимости развития Урала как смены Югу на случай истощения запасов его руды, на наличие исконного горнозаводского населения Урала, дешевизну его сырья и высокое качество железа»²². Н. Д. Федотов и С. И. Лагунов в работе «Сельскохозяйственное машиностроение в СССР» утверждали: «Украина не является единственным районом по близости к металлическому сырью и топливу, положение Урала в этом отношении также благоприятно, а по снабжению лесом благоприятнее, и если в прежнее время развитию сельскохозяйственного машиностроения на Урале мешал слабый спрос на местном рынке, но в будущем надо ожидать оживление спроса на уральском и сибирском рынках»²³. Тем не менее в комментариях и предисловиях к этим работам редакция тщательно дезавуировала любые сколь-либо комплементарные доводы в пользу развития неукраинской промышленности. Красной нитью через подготовленную украинским Госпланом серию проходила догма о том, что Урало-Кузнецкий комбинат не должен существовать.

Под отрицание Урало-Кузбасса Я. Б. Диманштейн подвел теоретические обоснования, изложив их в своей работе «Уголь, руда и железо в их взаимной связи»²⁴. Эта книга была представлена во многом как результат практического приложения к географии СССР теории размещения промышленности немецкого социолога и экономиста А. Вебера²⁵. Согласно этой теории, промышленные предприятия тяготеют к месту, в котором транспортные издержки для этого предприятия минимальны. При этом производства высокой материалоемкости тяготеют к местам производства сырья и материалов, а с низкой — к пункту потребления. Используя ссылки на теорию А. Вебера, причем апеллируя к его авторитету во многом в качестве демагогического приема, Я. Б. Диманштейн и его коллеги утверждали, что горная промышленность, тяготея к залежам руды и угля, притягивает к себе металлургию, образуя таким образом триединство руды, угля и железа. Металлургия, тяготея в некоторой степени к рынку, в то же время притягивает к себе рынок потребления (в первую очередь машиностроение),

²¹ Федорович И. И., Лепешинский В. В., Главацкий А. А. Кузнецкий бассейн и Урало-Кузнецкая проблема. Харьков, 1926.

²² Янопольский Л. Н. К вопросу о капиталах в металлической промышленности. Харьков, 1927. С. 75.

²³ Федотов Н. Д., Лагунов С. И. Сельскохозяйственное машиностроение СССР. Харьков, 1927. С. 23.

²⁴ Диманштейн Я. Б. Уголь, руда и железо в их взаимной связи. Харьков, 1927.

²⁵ Вебер А. Теория размещения промышленности. Л.; М., 1926.

вследствие чего создаются рудно-угольные-металлургические комбинаты. Малоценное сырье и топливо для металлургической промышленности требуют их максимально короткой транспортировки, что приближает производство к малоценному (и, как следствие, неоправданно дорогому в транспортировке) сырью. При этом уголь обладает большей степенью притяжения к себе металлургического производства, чем руда, что подтверждается историческим опытом конца XIX — начала XX в., когда мировая металлургическая промышленность концентрировалась вокруг угольных бассейнов: Рур, Верхняя Силезия и Саар в Германии, Шеффилд и Южный Уэльс в Великобритании, Пенсильвания в США. Отметим, что авторы этой концепции не вспоминали о работавших в это время на привозном угле металлургических предприятиях Люксембурга и Лотарингии. Большая привязанность металлургии к углю, чем к руде, была обоснована, на их взгляд, более высоким расходом угля на единицу металла, большей транспортабельностью руды, большими затратами на транспортировку угля, необходимостью ограничения идущего к угольным районам порожняка.

Учитывая, что индустриализация СССР должна была сопровождаться увеличением производства средств производства, центр тяжести советской промышленности должен был переместиться на наиболее благоприятную для этого Украину. Эта тенденция предопределялась на будущее, если ей не помешает неправильная политика искусственного насаждения промышленности в неблагоприятных для того районах. Будущее металлургии и тяжелого машиностроения, таким образом, должно была быть связано с Югом, в отношении же Урала следовало исходить из убывающего его значения, как металлургического центра, и совершенной нерациональности строительства на нем предприятий черной металлургии.

Журнал «Хозяйство Урала» резюмировал умозаключения украинцев: «Такова весьма выпуклая и последовательная программа нового строительства металлопромышленности Союза, составленная работниками Укргосплана. Практика, вполне согласованная с теорией и хозяйственной историей. Но теория и хозяйственная история в украинском изложении не менее согласованы в желательной в ближайшем будущем для украинцев практикой. Особенно стройно и гармонично выдержана тактическая сторона программы. Суть ее ясна: концентрация новой металлопромышленности на Украине и полное уничтожение главного соперника — Урала»²⁶.

Отметим немаловажную, но почти не рассматривавшуюся современниками деталь. 1920-е гг. характеризовались для Урала не свойственной ему до революции тенденцией — вывозом из региона железной руды. В весовом исчислении ее доля была не столь велика и не превышала 16 % от общей массы добытой руды на Урале (160,7 тыс. тонн в 1926/27 г.), хотя весовой критерий не учитывает процент содержания железа в вывезенной породе. Тем не менее к 1928 г. потоки вывозимой с Урала руды возросли и стали направляться в основном на Украину (рис. 1, рис. 2). На наш взгляд, отмеченный тренд во многом был связан с неблагоприятными условиями залегания криворожских руд, в первую очередь ограниченностью их рудной и эксплуатационной площади (72 % всей геологической рудной площади). Ограниченность рудной площади ставила пределы головной производительности криворожских месторождений независимо от запасов руды в их недрах. Украинские специалисты оценивали возможность годовой добычи в диапазоне 11–25 млн тонн²⁷, однако глубокое залегание руды, доходившее до 900–1000 метров (поверхностно залегавшие руды были выработаны к середине 1920-х гг.), означало неминуемое удорожание ее добычи. Дальнейший масштабированный вывоз уральской руды на Украину мог существенно сгладить ситуацию, он отвечал идее отказа от строительства масштабных металлургических комбинатов на востоке страны. Масштабные плавки уральской руды на донецком коксе на Украине обеспечивали концентрацию металлургического производства в этой республике и, по сути, являлись вариацией Урало-Донецкого проекта, сформулированного до революции²⁸.

Так или иначе, материалы, подготовленные Госпланом Украины, активно использовались республикой для лоббирования украинских интересов. Стенограммы заседаний пленумов ЦК ВКП(б) и Госплана СССР зафиксировали распространение этих и других украинских изданий представителями УССР во время обсуждения вопросов размещения промышленности. Современники характеризовали взаимоотношения двух регионов как «необъявленную войну»²⁹.

²⁶ Клименко К. И. К вопросу о будущих индустриальных районах Союза // Хозяйство Урала. 1927. № 6. С. 11.

²⁷ Берёзов Н. Ф. Размещение черной металлургии СССР. М., 1933. С. 180.

²⁸ См.: Михеев М. В. Урал и Украина в системе межрегиональных противоречий 1920-х — 1930-х гг. (начало). С. 57–58.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 165. Л. 61; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 25. Д. 30. Л. 174.

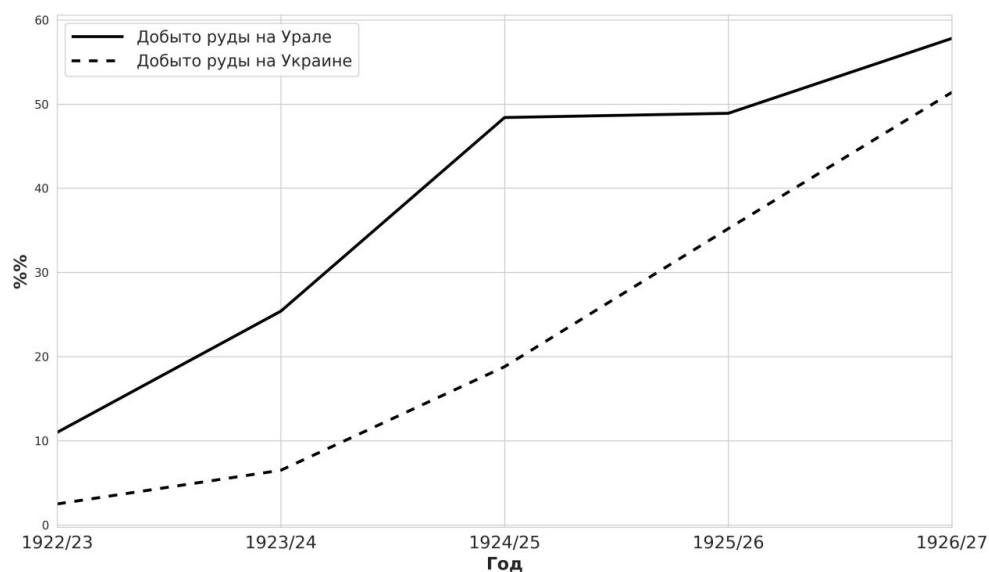

Рис. 1. Темпы роста добычи железной руды на Урале и Украине в 1922/23–1926/27 гг. к 1913 г. (%%)

Fig. 1. Growth rates of iron ore mining in the Urals and Ukraine in 1922/23–1926/27 to 1913 (%)

Источник: Бакулев Г. Д. Черная металлургия Юга России. М., 1953. С. 231; Джаксон М. Н., Флёров А. Н. Сборник статистических сведений по горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924/25 гг. Л., 1928. С. 22–24; Индустриализация СССР 1926–1941 гг. Документы и материалы. Т. 1. М., 1969. С. 172; Союзная промышленность в цифрах. Темпы роста и факторы развития. Материалы к партконференции 1929 г. М., 1929. С. 15; Уральское хозяйство в цифрах 1927 г. Свердловск, 1927. С. 274; Уральское хозяйство в цифрах 1928 г. Свердловск, 1928. С. 172; Уральское хозяйство в цифрах 1929 г. Свердловск, 1929. С. 168

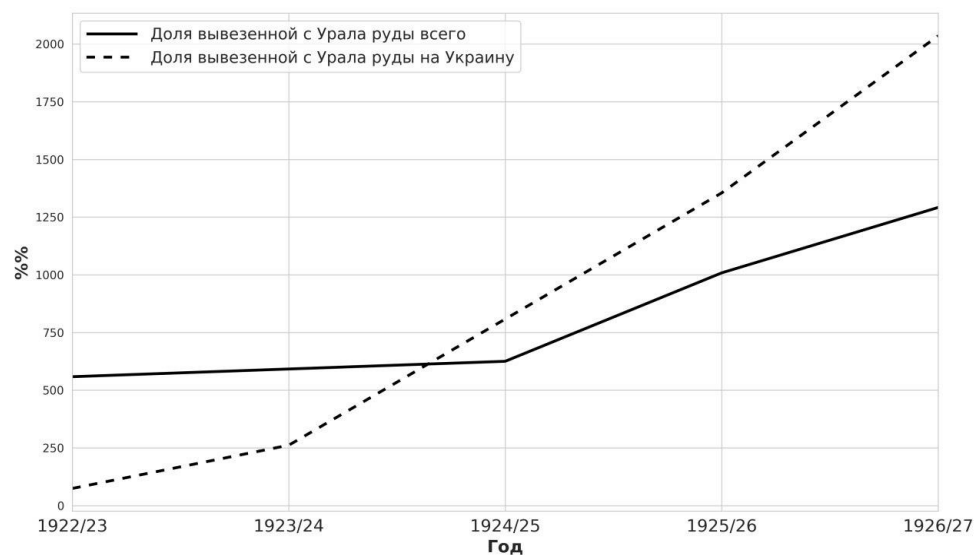

Рис. 2. Темпы роста вывоза железной руды с Урала в 1922/23–1926/27 гг. к 1913 г. (%%)

Fig. 2. Growth rates of iron ore exports from the Urals in 1922/23–1926/27 to 1913 (%)

Источник: Материалы по статистике путей сообщения за 1922/23 г. Т. 2. Вып. 39. С. 207; Материалы по статистике путей сообщения за 1923/24 г. Т. 2. Вып. 48. С. 71; Иков В. О рынках сбыта продукции уральской промышленности // Хозяйство Урала. 1927. № 6. С. 140–141; Материалы по статистике путей сообщения за 1925/26 г. Т. 2. Вып. 59. С. 87; Материалы по статистике путей сообщения за 1926/27 г. Т. 2. Вып. 87. С. 77

Шахтинское дело

В 1928 г. в СССР проходил громкий судебно-политический процесс, известный как «Шахтинское дело» или «Дело об экономической контрреволюции в Донбассе». В рамках процесса группа из полусотни руководителей и специалистов угольной промышленности СССР, работавших в центральном аппарате ВСНХ, в правлении треста «Донуголь» и непосредственно на шахтах Донбасса, были обвинены и осуждены во вредительстве и саботаже на предприятиях угольной промышленности Юга. «Шахтинское дело» рассматривается историографией преимущественно как факт политической и отчасти социальной истории. В настоящей статье целесообразно отметить его в контексте экономической истории.

В 1924/25–1927/28 гг. ВСНХ запланировал более чем двухкратное увеличение количества добываемого угля на Донбассе (12 и 27 млн тонн соответственно)³⁰. В целом этот план был выполнен с точностью — уровень добычи 1927/28 г. составил 27,4 млн тонн, несмотря на то, что выполнение плановых заданий по отдельным трестам осуществлялось далеко не всегда³¹. Тем не менее, казалось бы, успешная деятельность руководителей угольной промышленности Донбасса стала предметом судебного разбирательства. Подробно изучавший политическую подоплеку «Шахтинского дела» С. А. Красильников выделил три стадии этого процесса:

Собственно шахтинский этап в июне — октябре 1927 г., когда сотрудники Шахтинско-Донецкого оперативного сектора полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю арестовали несколько инженерно-технических работников местных угольных шахт и рудоправлений за халатность на производстве, заключавшуюся в нарушении техники безопасности, нерегулярных выплат рабочим, а также за враждебные настроения к советской власти. Началась проверка причастности арестованных к контрреволюционным действиям в годы Гражданской войны.

На втором, ростовском этапе в октябре 1927 г. — марте 1928 г. дело стало разрабатываться непосредственно краевым представительством ОГПУ. Тогда фигуранты дела были обвинены в сокрытии разведанных еще до революции богатых угольных пластов, в злонамеренной разработке бесперспективных и убыточных угольных месторождений, в открытии ранее законсервированных нерентабельных шахт, затоплении перспективных угольных разрезов и т. д.

В марте — апреле 1928 г. к делу активно подключилось ОГПУ Украины, придав ему всесоюзное политическое значение. Проведя серию массовых арестов в руководящем звене треста «Донуголь», украинское ОГПУ сформулировало свое видение «экономической контрреволюции в Донбассе», заключавшейся в существовании здесь разветвленной подпольной организации технических специалистов дореволюционного времени, которые, в интересах бывших владельцев национализированных шахт, при помощи иностранных специалистов, вступили в сговор и предприняли серию вредительских действий, направленных против увеличения добычи угля в Донбассе, препятствуя его эффективной эксплуатации³².

Справедливость таких обвинений вызывала сомнения даже у современников. С. А. Красильников приводит записку К. Е. Ворошилова М. П. Томскому, направленную ЦК в Шахтинский округ с инспекционной поездкой: «Миша! Скажи откровенно, не вляпаемся мы при открытом суде в “Шахтинском деле”?»³³ Для историков невиновность фигурантов дела очевидна.

Тем не менее «Шахтинское дело» явно способствовало формированию своеобразного взгляда на потенциал развития Донецкого угольного бассейна среди советского партийного руководства. Весной 1928 г., комментируя апрельский пленум ЦК ВКП(б), признавший события «Шахтинского дела» актом контрреволюции и саботажа, секретарь Уралобкома ВКП(б) Н. М. Шверник заявлял уже на областном пленуме: «Эта вредительская работа принесла колоссальный материальный ущерб развертыванию Донугля, несмотря на это, все же мы имеем теперь такое положение, когда общая добыча Донугля на 30 % выше довоенного [в действительности на 10 % в 1928 г. в сравнении с 1913 г. — М. М.]. Но конечно, если бы мы все те вложения, которые вкладывались в Донуголь, имели бы возможность использовать на 100 %, хотя бы на 80 % эффективности,

³⁰ Терпигорев А. М. О вложении новых средств в Донбасс // Уголь и железо. 1925. № 3. С. 63.

³¹ См.: Михеев М. В. Урал и Украина в системе межрегиональных противоречий 1920-х — 1930-х гг. (начало). С. 56.

³² См.: Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. М., 2010. Кн. 1. С. 22–45.

³³ Цит. по: Там же. С. 27.

то ясно, это дало бы не 30 %, а значительно больший процент роста добычи угля. Поэтому из этого можно сделать вывод, что вредительская деятельность этих инженеров контрреволюционеров была очень разрушительна»³⁴.

Иначе говоря, «Шахтинское дело» во многом должно было изменить представление о хозяйственной конъюнктуре украинской топливной промышленности. Возложив персональную ответственность на отдельных технических специалистов за недостаточные темпы развития Донецкого бассейна, следователи невольно или намеренно показывали, что при компетентном подходе технические возможности добычи угля на Украине многократно превосходят плановые показатели второй половины 1920-х гг. Тот факт, что данный уклон дело получило именно на этапе его разработки ОГПУ Украины, в период ожесточенных дискуссий о приоритетах территориального развития СССР в первой пятилетке, когда масштабы возможной эксплуатации Донбасса сопровождалась ожесточенными спорами, требует рассматривать этот политический процесс в том числе в контексте экономической истории.

Интересен комментарий председателя Уралоблисполкома И. Д. Кабакова по вопросу «Шахтинского дела» на том же областном пленуме: «В настоящий момент мы вступили в такую полосу, когда партия подошла к переделке старых хозяйственных капиталистических форм в новые социалистические формы. Теперь происходит борьба — на одной стороне мы стремимся построить социалистические формы, социалистические отношения, а на другой стороне мы встречаем всяческое противодействие изменению старых капиталистических отношений. [...] На последних позициях борьбы с капиталистическими отношениями мы встретим более отчаянное сопротивление, чем мы встретили на полях сражений, на фронтах [Гражданской войны]»³⁵. И. Д. Кабаков совершенно верно уловил тенденцию противоречий экономической логики развития промышленности до и после Октябрьской революции. Вместе с тем он свел проблему таких противоречий к персональной ответственности конкретных специалистов, тем самым, вслед за ЦК ВКП(б), декларируя возможность решения экономических проблем развития СССР и его регионов методом политических репрессий. Как тогда же, во многом угрожающе, отмечал на этот счет Н. М. Шверник: «Надо сказать, что это “Шахтинское дело” навело на меня такую мысль, когда я присутствовал на пленуме Центрального комитета, — хорошо, “Шахтинское дело” мы раскрыли, а нет ли у нас на Урале подобных недостатков?»³⁶

Таким образом, мы считаем возможным предположить, что к началу 1930-х гг. региональным украинским руководством политические репрессии фактически были использованы в качестве инструмента разрешения в свою пользу межрегиональных экономических противоречий, общесоюзное же руководство трансформировало их в одно из орудий индустриализации.

Проблема Кизеловских углей

Когда И. В. Сталин писал о необходимости преодолеть сопротивление на местах в пользу индустриализации восточных районов, он, безусловно, нуждался в поддержке представителей этих районов-бенефициаров от будущего «восточного сдвига». Первым по своему значению среди районов новой индустриализации был Урал. Тем не менее, в отличие от Украины, партийно-хозяйственное руководство Урала не проявляло готовности отстаивать интересы своего региона столь же ревностно, как это делали их украинские коллеги.

В течение второй половины 1920-х гг. Уралплан постепенно добился поддержки центрального правительства в вопросе строительства здесь одного металлургического завода возле горы Магнитная и двух машиностроительных заводов — горно-металлургического оборудования в Свердловске и вагонного в Нижнем Тагиле. Позднее к ним добавится тракторный завод в Челябинске. Тем не менее уральское руководство во многом с опаской относилось к планам будущей индустриализации, боясь надорвать региональную экономику и не справиться с ожиданиями Центра. Подобно тому, как Украину вдохновляли дореволюционные тенденции сдвига национальной индустрии в южном направлении, Урал настораживал износ и затухание собственной промышленности в этот период. В записке оргинструкторского отдела Уралобкома ВКП(б), подготовленной в 1928 г.,

³⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 2. Л. 55.

³⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 2. Л. 180.

³⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 2. Л. 65.

на этот счет говорилось: «Существует мнение, что Урал — “пятак в союзном рубле”. Если судить по удельному весу основных фондов, то роль Урала будет еще скромнее и во всяком случае не соответствует потенциальным производственным возможностям Урала и его природным богатствам. [...] По отношению к промышленности СССР Урал занимает чрезвычайно скромное место — около 4 %, причем капитальные вложения в промышленность до 1 октября 1928/29 г. были настолько скромны, что удельный вес Урала не поднимался. До 1925/26 г. вложения не покрывали даже ежегодного износа [оборудования], с 1925/26 г. вложения стали превышать износ и началось медленное накопление [основных фондов], однако до 1 октября 1928/29 г. все вложения далеко не покрывали всего износа за годы [Первой мировой] войны и революции, восстановительная стоимость еще не достигнута. Если же принять во внимание, что износ принимался равным амортизации и поэтому является приуменьшенным, так как амортизация исчислялась не с восстановительной стоимостью основного капитала, а со стоимости с учетом износа, то есть с преуменьшенной стоимости, то станет еще более ясной недостаточность произведенных вложений»³⁷.

Председатель Уралоблисполкома Ф. И. Локацков в мае 1926 г. сетовал на совещании областного партактива по поводу готовности уральских властей к стройкам будущей пятилетки: «Ужас, сплошной ужас, если бы из Москвы завтра бы перевели деньги [...] и сказали бы: стройте ребята — был бы сплошной ужас». «Можешь не беспокоиться — не переведут»³⁸ — успокаивал его первый секретарь Уралобкома Д. Е. Сулимов. Центральная власть, по-видимому, старалась «приободрить» уральцев. Выше мы отмечали, как представители ЦК призывали Уралобком не стесняться и погромче «кричать» о себе³⁹. Три первых секретаря Уралобкома в 1925–1929 гг. были переведены на руководящую работу в Москву с повышением. Тем не менее далеко не все хозяйственные руководители Урала разделяли энтузиазм относительно его будущей индустриализации.

Если проблема износа основных фондов могла быть решена усиленными капиталовложениями, то очевидного инструмента решения топливного кризиса для Урала, за исключением поставок угля из Кузнецкого бассейна, не было. Местные угли Урала были исключительно низкого качества, и возможность использования их в металлургии вызывала сомнения. Уралплан возлагал оптимистические надежды на Кизеловский бассейн. Во второй половине 1920-х гг. велись активные дискуссии о возможности организации коксования этих углей. Мнения экспертов на этот счет были резко противоположными. На пленуме Уралобкома осенью 1928 г. произошла откровенная перепалка директора треста «Уралуголь» Н. М. Сажина с заместителем председателя Уралплана, геологом Б. В. Дидковским. Если первый утверждал, что «при наличии ввоза сибирского угля и кокса мы сможем обеспечить закладку нового металлургического завода на Магнитной и сможем обеспечить закладку нового большого металлургического завода на Среднем Урале»⁴⁰, то его оппонент возражал, уверяя в возможности ограничиться уральским углем: «Наши товарищи находятся под психозом уралокузнецкой проблемы, по которой считается, что Урал должен целиком пользоваться только кузнецким коксом»⁴¹.

Коксование углей Кизеловского бассейна становилось затянувшимся экспериментом, результат которого был неясен. Даже в случае успеха применения кизеловских углей в металлургии они могли покрыть энергетические потребности только Среднего Урала. Месторождения четырех других уральских угольных бассейнов (Богословского, Егоршинского, Челябинского, Полтавско-Брединского) были столь низкого качества и столь малочисленны, что даже Уралплан отводил им вспомогательную роль. Металлургия Южного Урала должна была снабжаться углем Западной Сибири в любом случае. Была высока вероятность попадания всего Урала в зависимость от Западно-Сибирских угольных месторождений (см. *цв. вклейку, рис. 10*). К 1928 г. обострилась проблема комбинации вывоза из Сибири угольных и хлебных грузов, связанная с ростом сибирских урожаев из-за климатических изменений⁴².

³⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 284. Л. 1–2.

³⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 333. Л. 25.

³⁹ См.: Михеев М. В. Урал и Украина в системе межрегиональных противоречий 1920-х — 1930-х гг. (продолжение). С. 118–119.

⁴⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 6. Л. 245.

⁴¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 6. Л. 245.

⁴² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 6. Л. 52–81.

Из-за «сибирского» фактора вплоть до конца 1920-х гг. не были определены приоритеты между древесноугольной и каменноугольной плавкой чугуна на предприятиях Уралмета. Колебания в этом направлении продолжались вплоть до 1930 г., когда постановление ЦК об Уралмете окончательно зафиксировало необходимость ориентации металлургии Урала на минеральное топливо.

В этих условиях особое значение приобрела политическая позиция Д. И. Кабакова, возглавлявшего Уралоблисполком в 1928–1929 гг. и с 1929 г. занявшего должность первого секретаря Уралобкома. Д. И. Кабаков, возможно даже чересчур опрометчиво, проявил себя в качестве убежденного сторонника индустриализации Урала: «Ведущая роль основной нашей промышленности затушевывается. Урал — металлургическая база»; «В отношении топливной промышленности. По всей вероятности, она будет разрешена не столько на Сибирском угле, сколько на нашем. Я смотрю — Кизелтрест»⁴³, — декларировал Кабаков на заседании президиума облисполкома в августе 1928 г. Впоследствии Д. И. Кабаков столь же энергично проводил решения, направленные на отстаивание интересов различных отраслей уральской промышленности перед нижегородским машиностроением, украинской металлургией, лесобработывающей промышленностью Волго-Каспия и т. д.⁴⁴ Складывается впечатление, что его энтузиазм, во всяком случае на тот момент, проявлялся с молчаливого одобрения Центра и выгодно демонстрировал его на фоне менее радикальных предшественников.

Дискуссии Урала и Украины в центральном правительстве

Судя по доступным исследователям материалам, центральное правительство с середины 1920-х гг. видело перспективным модернизацию индустрии Урала для будущего советского народного хозяйства. На январском пленуме ЦК ВКП(б) 1925 г. председатель ВСНХ Ф. Э. Дзержинский в преддверии надвигавшегося «Металлического голода» прямо противопоставлял хозяйственную эффективность металлургии Украины и Урала в пользу последней, ведь, по его оценке, оба региона выполнили плановые задания на 75 % и 117 % соответственно⁴⁵. При этом Ф. Э. Дзержинский отвергал прямые обвинения Украины в его пристрастности к Уралу, критиковал позицию ВСНХ СССР и ЦК КП(б), необоснованно предъявлявших, по его мнению, претензии на государственные дотации, «с тем чтобы жить за счет государства», критиковал их за бесхозяйственность в работе⁴⁶.

Наиболее ожесточенные споры развернулись в ходе февральского пленума ЦК 1927 г., когда представители южных и западных регионов (С. В. Косиор, В. Я. Чубарь от Украины, Н. П. Комаров от Ленинграда) доказывали целесообразность капиталовложений в свои, уже освоенные в промышленном отношении территории, а представители восточных районов (Р. И. Эйхе от Сибири и Д. Е. Сулимов от Урала) подчеркивали перспективы Урало-Кузбасса. Интересно выступление И. Д. Кабакова, в то время ответственного секретаря Тульского губернского комитета ВКП(б), с той же горячностью, с какой он спустя несколько месяцев будет отстаивать интересы Урала, И. Д. Кабаков обосновывал перспективы вложений в промышленность равноудаленных от запада и востока центральных районов, в частности Тульской губернии. Сменивший Ф. Э. Дзержинского на посту председателя ВСНХ В. В. Куйбышев, отвергнув чрезмерные вложения средств в украинскую промышленность, подчеркнул приоритетное значение для общесоюзной индустрии Урала и Украины и связанную с этим необходимость строительства трех металлургических заводов — Криворожского (Украина), Магнитогорского (Южный Урал) и Тельбесского (Западная Сибирь) с годовой производительностью 6,5 млн тонн чугуна каждый.

Принятые XV съездом ВКП(б) в декабре 1927 г. «Директивы по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР», тем не менее, оставляли пространство для дискуссий. Споры Урала и Украины продолжились на ноябрьском пленуме ЦК 1928 г., когда представители Украины (С. В. Косиор и В. Я. Чубарь) предлагали задержать строительство Тельбесского и Магнитогорского заводов в пользу первоочередного финансирования украинских предприятий⁴⁷, встретив при этом отпор уральцев (Д. Е. Сулимов, И. Д. Кабаков). Последние получили сдержанную поддержку В. В. Куйбышева и председателя Госплана СССР Г. М. Кржижановского.

⁴³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 280. Л. 45.

⁴⁴ См., напр.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 280. Л. 121–130, 164–165, 180, 181–184.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 161. Л. 136.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 161. Л. 136.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 383. Л. 50.

XVI конференция ВКП(б), проходившая в апреле 1929 г., ознаменовалась спорами Урала и Украины относительно места расположения тракторного завода (в Харькове или Челябинске), тем не менее конференция одобрила новое строительство на Урале, утвердив итоговый вариант первого пятилетнего плана, заметно переместившего территориальное распределение капиталовложений в промышленности в сравнении с первоначальным вариантом ОСВОК ВСНХ в пользу восточных регионов (таблицы 1–3)⁴⁸.

Заметный всплеск урало-украинских противоречий имел место на ноябрьском пленуме ЦК 1929 г., когда Д. И. Кабаков противопоставил Криворожскому металлургическому заводу возможность постройки металлургического завода на Среднем Урале с опорой на кизеловское минеральное топливо. Это вызвало сомнения присутствующих В. В. Куйбышева и И. В. Сталина⁴⁹. Тем не менее необходимость минерализации уральской металлургии была подтверждена постановлением ЦК ВКП(б) о работе Уралмета от 15 мая 1930 г., декларировавшем, что «жизненно необходимым условием быстрой индустриализации является создание на востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных месторождений Урала и Сибири». Первый угольно-металлургический центр также не остался без внимания Центра. Постановление ЦК ВКП(б) о работе Югостали от 8 августа 1929 г. требовало ускоренного строительства металлургических заводов Кривого Рога и скорейшей организации плавки керченских руд на Керченском же заводе⁵⁰.

В январе 1930 г., выступая на заседании ВСНХ СССР, В. В. Куйбышев декларировал: «Этот спор между Украиной и Уралом снимается жизнью, снимается тем огромным темпом, который придали мы развитию всего народного хозяйства, металлургии Украины и будущей большой металлургии Урала хватит места под советским небом»⁵¹.

Выводы

Таким образом, к началу 1930-х гг. советскому правительству удалось добиться значительных успехов в деле слома тенденций территориального развития промышленности страны, довлевших над ним с дореволюционного времени. Такая перемена тенденций выражалась двумя моментами. Во-первых, началом строительства новой индустрии на востоке в рамках предприятий Урало-Кузнецкого комбината, потенциал которого был сопоставим с существовавшими производительными мощностями на юге и западе страны. Во-вторых, переходом к экстенсивному принципу промышленного строительства не только в Сибири и на Урале, но и в старых промышленных районах на юге и западе, в первую очередь на Украине.

Экстенсивность новой промышленности заключалась в выплавке здесь максимального количества металла, введением в промышленный оборот максимального количества сырья (в т. ч. бедных керченских руд и низкокачественного уральского угля). Только экстенсивное производство, по принципу «лучше хуже да больше», могло обеспечить стране выход из металлического голода, индустриализацию и построение социализма в отдельно взятой стране.

Добиваясь этого, правительству пришлось бороться с сильными регионалистскими тенденциями на Украине. Для успешной борьбы оно во многом спровоцировало регионалистские поползновения на Урале. После «Шахтинского дела» политические репрессии стали фактором экономического развития страны.

Именно в таком виде было положено начало индустриализации СССР. Ее реализация должна была сопровождаться указанными аспектами.

References

Bakulev G. D. *Chernaya metallurgiya Yuga Rossii* [Ferrous Metallurgy of the South of Russia]. Moscow: Gos. nauch.-tekhn. izd-vo lit-ry po chern. i tsvet. metallurgii Publ., 1953 (In Russian).

⁴⁸ См.: Ермаков А. В. Геополитический фактор в планировании Урало-Кузнецкого комбината // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Екатеринбург, 2006. С. 208–211.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 427. Л. 233–252.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 785. Л. 22–27; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 752. Л. 8–16.

⁵¹ Цит. по: Ермаков А. В. Указ. соч. С. 210.

Berezov N. F. [The Ural-Kuznetsk Problem. I. Fedorovich]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1926, no. 15–16, pp. 191. (In Russian).

Berezov N. F. [Southerners about the Urals]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1927, no. 4, pp. 34–51. (In Russian).

Berezov N. F. *Razmeshcheniye chernoy metallurgii SSSR* [Deployment of the USSR Ferrous Metallurgy]. Moscow: Gosstatseconomizdat Publ., 1933. (In Russian).

Dimanshtein Ya. B. *Ugol', ruda i zhelezo v ikh vzaimnoy svyazi* [Coal, Ore and Iron in Their Mutual Connection]. Kharkov: Gosplan USSR Publ., 1927. (In Russian).

Ermakov A. V. [Geopolitical Factor in Planning the Ural-Kuznetsk Combine]. *Promyshlennaya politika v strategii rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XXI vv.* [Industrial Policy in the Strategy of Russian Modernizations of the 18th–21st Centuries]. Ekaterinburg: IliA UrO RAN Publ., 2006, pp. 208–211. (In Russian).

Fedorovich I. I. *Uralo-Kuznetskaya problema* [The Ural-Kuznetsk Problem]. Moscow; Leningrad: TsUP VSNKh SSSR Publ., 1926. (In Russian).

Fedorovich I. I., Lepeshinsky V. V., Glavatsky A. A. *Kuznetskiy basseyn i Uralo-Kuznetskaya problema* [Kuznetsk Basin and the Ural-Kuznetsk Problem]. Kharkov: Gosplan USSR Publ., 1926. (In Russian).

Fedotov N. D., Lagunov S. I. *Sel'skokhozyaystvennoye mashinostroyeniye SSSR* [Agricultural Machine Building of the USSR]. Kharkov: Gosplan USSR Publ., 1927. (In Russian).

Ikov V. [On the sales market for products of the Ural industry]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1927, no. 6, pp. 134–143. (In Russian).

Klimenko K. I. [On the Issue of Future Industrial Regions of the Union]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1927, no. 6, pp. 1–28. (In Russian).

Kursky A. D. *Razmeshcheniye promyshlennosti v pervoy pyatiletke* [Deployment of Industry in the First Five-Year Plan]. Moscow; Leningrad: Standartizatsiya i ratsionalizatsiya Publ., 1933. (In Russian).

Mikheev M. V. [The Urals and Ukraine in the System of Interregional Contradictions of the 1920s — 1930s (Part 1)]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2024, vol. 3, no. 1, pp. 46–63. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-46-63 (In Russian).

Mikheev M. V. [The Urals and Ukraine in the System of Interregional Contradictions of the 1920s — 1930s (Part 2)]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2024, vol. 3, no. 2, pp. 106–121. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-2-106-121 (In Russian).

Mikheev M. V., Baev O. V. [On the History of the Ural-Kuzbass: A Report from the Kuznetsk Coal and Metallurgical Joint-Stock Company to the Supreme Council of the National Economy of the RSFSR]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2022, vol. 1, no. 2, pp. 122–137. DOI: 10.58529/2782-6511-2022-1-2-122-137 (In Russian).

Neklyudov E. G. [Fuel Problem of the Ural Metallurgy: Sources, Forms of Manifestation and Options for Solution at the Turn of the 19th–20th Centuries]. *Uralo-Kuzbass: ot zamysla k realizatsii* [Ural-Kuzbass: From Concept to Implementation]. Ekaterinburg: IliA UrO RAN Publ., 2010, pp. 91–117. (In Russian).

Rukosuev E. Yu. [Supply of the Ural Mining Plants with Mineral Fuel: Discussions at Congresses of the Ural Mining Industrialists in the Late 19th — Early 20th Centuries]. *Uralo-Kuzbass: ot zamysla k realizatsii* [Ural-Kuzbass: From Concept to Implementation]. Ekaterinburg: IliA UrO RAN Publ., 2010, pp. 118–128. (In Russian).

Soldatenko V. F. *Georgiy Pyatakov: opponent Lenina, sopernik Stalina* [Georgy Pyatakov: Lenin's Opponent, Stalin's Rival]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2017. (In Russian).

Terpigorev A. M. [On Investing New Funds in Donbass]. *Ugol' i zhelezo* [Coal and Iron], 1925, no. 3, pp. 61–66. (In Russian).

Weber A. *Teoriya razmeshcheniya promyshlennosti* [Theory of Industrial Deployment]. Leningrad; Moscow: Kniga Publ., 1926. (In Russian).

Yasnopolsky L. N. *K voprosu o kapitalakh v metallicheskoj promyshlennosti* [On the Issue of Capital in the Metal Industry]. Kharkov Gosplan USSR Publ., 1927. (In Russian).

Yasny N. M. *Sovetskiye ekonomisty 1920-kh gg. Dolg pamyati* [Soviet Economists of the 1920s. Debt of Memory]. Moscow: Delo Publ., 2012. (In Russian).

Zuikov V. N. *Sozdaniye tyazheloy industrii na Urale (1926–1932 gg.)* [Creation of Heavy Industry in the Urals (1926–1932)]. Moscow: Mysl' Publ., 1971. (In Russian).

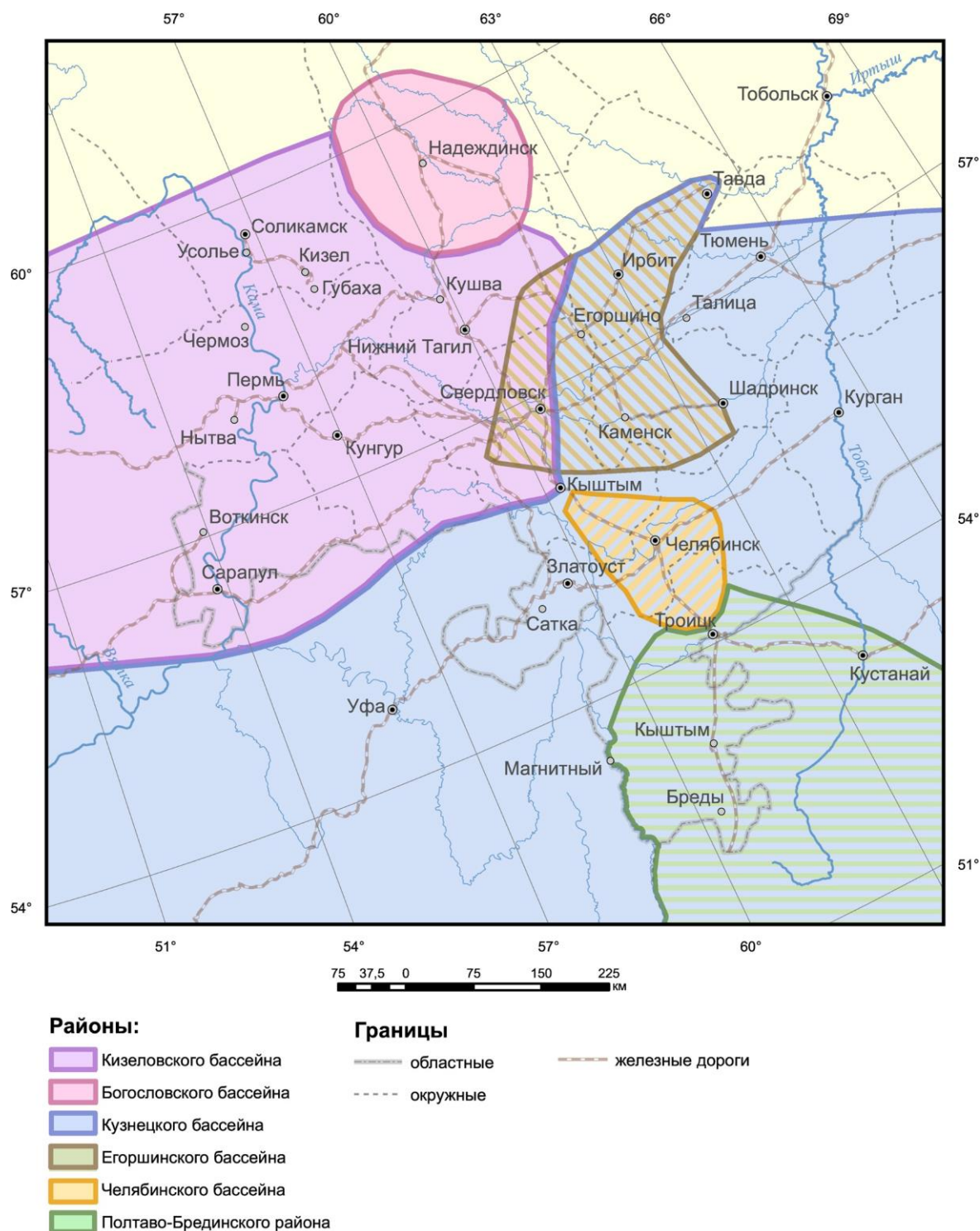

Рис. 10. Карта районов наивыгоднейшего применения отдельных видов ископаемых углей Урала и Западной Сибири по версии Уральской областной плановой комиссии 1927 г. Карта выполнена Е. С. Гришиным
 Fig. 10. Map of the regions with the most advantageous use of certain types of fossil coal in the Urals and Western Siberia according to the Ural Regional Planning Commission, 1927. Completed by E. S. Grishin

Источник: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 491. Л. 177